

## РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.3:008(=161.3)

### С любовью к культурному наследию белорусов

Е.В. Ничипорчик

Рец. на монографию: Ляшчынская, В.А. Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў: агонь, вада, зямля і паветра / В.А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2018. – 222 с.

Стремительное развитие когнитивной лингвистики обусловило выработку новых исследовательских установок и формирование новых подходов к изучению фактов языка. Интерес зарубежных и отечественных ученых к единицам оперативной памяти, сложным ментальным образованиям, аккумулирующим жизненный опыт отдельного человека и языкового сообщества, в котором происходит становление языковых личностей, вызвал настоящий бум лингвистических изысканий. Выделению важнейших концептов культуры того или иного народа и описанию объективации лингвокультурных концептов в языке и речи посвящены в России, по определению С.Г. Воркачева, десятки монографий и докторских диссертаций, а число кандидатских диссертаций исчисляется сотнями [1, с. 11]. В Беларуси же на фоне успешного развития отечественной лингвокультурологии и этнолингвистики собственно когнитивная лингвистика и лингвоконцептология имеют меньшее число своих приверженцев (А.С. Дедова, В.А. Маслова, О.А. Лещинская, Е.В. Ничипорчик, В.К. Щербин и др.). По этой причине каждое новое исследование ключевых концептов белорусской культуры вносит существенный вклад в развитие белорусского языкознания.

Рецензируемая монография является уже третьим научным изданием доктора филологических наук О.А. Лещинской, в котором языковая картина мира белорусов воссоздается путем реконструкции важнейших лингвокультурных концептов носителей белорусского языка. В фокусе научного интереса культурная информация, закодированная во фразеологических единицах с компонентами, воплощающими представления о четырех важнейших природных объектах – воде, огне, земле и воздухе, – называемых автором в соответствии со сложившейся еще в античное время традицией «стихиями». Такой подход к выделению и описанию фрагмента языковой картины мира белорусов, формируемого фразеологическими единицами четырех сопряженных областей концептуализации, придает научному изысканию гармоничность, логическую цельность и в то же время позволяет увидеть, в какой мере фразеологизмы, связанные незримой сетью ассоциаций в условно едином тематическом поле, семантически близки или далеки друг от друга. Подчинена авторской идее и композиция монографии, представленная четырьмя разделами, в каждом из которых подлежат описанию фразеологические средства объективации концептов «агонь», «вада», «зямля», «паветра». Очень точно подобранные эпиграфы к разделам монографии служат дополнительным средством привлечения внимания читателя.

Главным достоинством монографии, на наш взгляд, является объяснительная стратегия, избранная О.А. Лещинской для описания семантики фразеологизмов, и не только потому, что эта стратегия соответствует современным исследовательским установкам, но и потому, что она дает дополнительный импульс читателю к «мысленному» продолжению начатого автором диалога о ценностях белорусского народа – информации, сокрытой в семантике фразеологизмов. Читая книгу, убеждаешься в истинной преданности автора книги делу сохранения культурного наследия белорусов.

В первом разделе раскрывается символичный смысл языковых обозначений огня в составе фразеологических единиц, определяются когнитивные признаки концепта «агонь», отраженные в содержании фразеологизмов. Автор монографии обращает внимание на антропоцентрический смысл кодов культуры, сформированных на основе представлений об объектах, ассоциируемых с огнем, подчеркивает, что некоторые из этих культурных кодов являются общеславянскими, общеевропейскими, в подтверждение приводит иноязычные эквивалентные фразеологические единицы или указывает на язык-источник выражения, прецедентный текст и / или прецедентную ситуацию, лежащие в основе образа (с. 14; 19; 20; 22; 33; 42). Полно и обстоятельно анализируется семантика каждого фразеологизма, в составе которого обнаруживается субстантивный (*агонь, вуголле, вугольчыкі, дым, жар, іскра, пажар, польмя, попел, прысак, свечка*) или глагольный компонент (*гарэць, загарэцца, згарэць, паліць, разгарэцца, раздуваць, распаліць, спаліць, тлець*), ассоциируемый с горением / сжиганием / уничтожением / тлением / воспламенением / излучением света и т. п. Определяются мотивационные признаки, лежащие в основе метафорического переосмысления слов в составе фразеологизмов, объясняются случаи возникновения фразеологической полисемии. Придает весомость выводам, сделанным на основе частных наблюдений, постоянное обращение автора монографии к уже имеющимся данным науки, цитация мыслей авторитетных мифологов, лингвокультурологов, фразеологов. Важной составляющей анализа фразеологизмов с компонентами-наименованиями огня, компонентами, ассоциируемыми с огнем, является определение оценочных коннотаций, которые свойственны данным фразеологизмам. Уместным в этом отношении является приведение примеров контекстуального употребления паремий в произведениях белорусской художественной литературы.

Отметим в то же время, что многие из анализируемых в первом разделе белорусских фразеологизмов находятся в отношениях эквивалентности с русскими фразеологизмами (к примеру, *зямля гарыць / гарэла пад нагамі* (с. 17) – *земля горит под ногами* [2, с. 256], *гарэць сінім полымем / агнём* (с. 17) – *гореть (гори) синим пламенем* [3, с. 502]; *шкура гарыць* (с. 24) – *шкура горит (свербит)* [3, с. 754]; *сыр-бор разгарэўся / разгараецца / загарэўся / гарыць* (с. 25) – *сыр-бор загорелся (разгорелся)* [3, с. 655]; *як на пажар* (с. 29) – *как на пожар* [2, с. 489]; *на ўсякі пажарны выпадак* (с. 29) – *на всякий пожарный случай* [2, с. 630], *гарэць ад / са стыда* (с. 32) – *гореть, сгорать от (со) стыда* [2, с. 604], *іскры з вачэй / воч насыпаліся / насыплюцца / сыплюцца* (с. 41) – *искры (из) с глаз посыпались* [3, с. 268] и др.). Приведение аналогов давало бы почву для понимания того, что «белорусскость» некоторых фразем с анализируемыми компонентами относительна. Разумеется, нет необходимости в подтверждении исконного или заимствованного происхождения той или иной фразеологической единицы, тем более попытки дифференциации «своего» и «чужого» в близкородственных языках зачастую бесплодны. Очевидно также, что если та или иная фразеологическая единица, являющаяся калькой / полукалькой, «легла на уста» народа, значит она стала «своей», соответствует «духу» народа, однако устойчивые выражения, заимствованные и / или представляющие общеславянский / общеевропейский фонд (см., например: *паліць свае караблі, паліць <усе> масты <за сабой>* (с. 39), сравн.: *сжечь свои корабли* (рус.) [4, с. 248], *le pont par derrière est rompu* (фр.) [4, с. 248], *die Brücke abbrennen* (нем.) [5]; *заграбаць жар чужымі рукамі* (с. 42), сравн.: *чужими руками жар загребать* (рус.) [4, с. 521–522], *чужими руками жар загібать* (укр.) [6, с. 430]; *cizima rukama dobre uhlí zahřebati* (чеш.), *mit fremden Händen ist gut Kohlen schüren* (нем.), *mit fremde Händ' ist gut Feuer scharren (schüren)* (нем.) [5]; *гуляць / жартаваць з агнём* (с. 18), сравн.: *играть / шутить с огнем* [3, с. 459], *jouer avec le feu* (фран.), *jugar con el fuego* (исп.), *mit dem Feuer spielen* (нем.), *to play with fire* (анг.) [7, с. 258–260], по-видимому, в меньшей степени, чем собственно белорусские по происхождению фразеологические единицы, проливают свет на своеобразие восприятия и толкования мира белорусами.

Во втором разделе описываются фразеологические единицы с компонентом *вада*, компонентами, обозначающие водно-ландшафтные объекты (*мора, рака, крыніца, возера, балота* и др.), воду в разных физических состояниях (*туман, снег, лед, дождж* и др.). Это самый объемный раздел монографии, что вполне объяснимо. Как отмечает сам автор, с водой связаны многочисленные поверья и ритуалы, без воды немислима жизнь человека (с. 50), отсюда номинативная плотность и рекуррентность концепта «вада» в лингвокультуре белорусско-

го народа, как, впрочем, по-видимому, рекуррентны одноименные концепты и в иных лингвокультурах. Косвенным свидетельством этого является значительное количество работ философов, мифологов, фольклористов, этнографов, культурологов, языковедов, посвященных описанию символического смысла воды (см. об этом в монографии с. 51). Задачу своего исследования О.А. Лещинская видит в определении культурного смысла белорусских фразеологических единиц с компонентом «вода» и иными репрезентантами содержания концепта, в поиске мотивации символической семантики «водных» компонентов, в выявлении особенностей оформления культурной информации в такого рода фразеологизмах.

Тактически верным является обращение автора монографии прежде всего к диалектной фразеологии. Диалектные белорусские фразеологизмы, по мнению автора, отражают наиболее древние представления человека о мире (с. 53). Выявление особенностей древнего мировоззрения белорусов позволяет объяснить причины «приживаемости» в культуре народа некоторых заимствованных выражений с «чужими» образами и символами (например, *кануць у Лету* (с. 54)).

Особого внимания, на наш взгляд, требуют те фразеологизмы, которые обнаруживают аналоги в разных языках, характеризуются прозрачной мотивацией и не имеют этнически маркированных компонентов. В данном случае комментарий, проливающий свет на принадлежность когнитивных структур не одному, а нескольким народам, необходим. Такого рода комментарий и дает О.А. Лещинская, рассуждая о фразеологизмах *многа вады уцякло / сплыло* (с. 55), *як / нібы дзве кроплі вады / расы* (с. 59), *вывесці на чыстую ваду* (с. 60–61), *чыстай / чысцейшай / найчысцейшай вады* (с. 61); *пераліваць з пустога ў парожняе* (с. 68), *таўчы ваду ў ступе / ваду ў ступе тоўч (талоч)* (с. 69), *як халодную вадою аблітый* (с. 77) и др. Было бы хорошо, чтобы и некоторые другие фразеологические единицы получили такого же рода комментарий, к примеру: *канцы ў ваду, хаваць канцы <у ваду>* (с. 56), сравн.: <и> *концы в воду <прятать, хоронить>* (рус.) [3, с. 308], *не вмієш конці у воду ховать* (укр.) [6, с. 323]; *як пугай на вадзе* (с. 56), сравн.: *як пугую по воді* (укр.) [6, с. 117]; *ins Wasser schlagen* (нем.), *Wasser schlagen* (нем.), *Batre l'eau* (фран.) [5]; *віламі на / на вадзе пісана, кіем на вадзе пісана* (с. 57), сравн.: *вилами на / по воде писано* (рус.) [3, с. 87], *kath' hýdatos grápheis* (греч.), *in aqua scribis* (лат.), *na vodé psát* (чеш.), *na wodzie pisać* (пол.), *na wodu napisac* (верхнелуж.), *pisati po vodi* (с.-х.), *scrivere su una pozza d'acqua* (ит.), *write in (on) water* (англ.) [8, с. 91], *in das Wasser schreiben* (нем.) [5]; *як / што з гуся вада* (с. 63), сравн.: *как с гуся вода* (рус.) [2, с. 82]; *зійде, як вода з гуски* (укр.) [6, с. 207]; *jak z gęsi woda spłynie* (пол.); *jakbe xtos na gęś wodąxienął* (кашуб.); *co z husy voda, spadne z něho, co z husy děšť, sjede to po něm jako voda po huse* (чеш.) [8, с. 163]; *wie das Wasser von der Gans herabfließt, so die Verleumdung von rechtschaffenen Menschen* (нем.) [5]; *лавіць рыбу ў каламутнай / мутнай вадзе<sup>1</sup>* (с. 79), сравн.: *ловить рыбу / рыбку в мутной воде* (рус.) [3, с. 587] *в мутні воді рибу ловить* (укр.) [6, с. 170]; *in aqua piscari turbata* (лат.) [5]; *в мътна вода риба лови* (болг.), *in trüben (stillen) Wassern ist gut fischen* (нем.), *it is good fishing in troubled waters* (анг.), *in troebel water is het goed visschen* (гол.), *god fiskja i up rört vatten* (швед.); *a rio revuelto, ganancia de pescadores* (исп.), *il n'est que pêcher en eau trouble* (фран.); *peskare mel torbido* (ит.) [9, с. 391–393]; *цягнуць ваду на сваё кола* (с. 79), сравн.: *тягне воду на свое коло, на свій млин воду обертає* [6, с. 433]; *každý tahne vodu na své kolo* (чеш.); *každý (mlynarz) na swe kolo wodę ciągnie* (чеш.), *jeder Man richtet (führt, leitet) das Wasser auf seine Mühle* (нем.); *ogno un cerca tirar l'acqua al suo molino* (ит.) [5] и др.

Российский паремиолог Е.В. Иванова абсолютно справедливо утверждает, что в каждой паремиологической картине мира есть непременно нечто универсальное, общее для нескольких народов и этнически уникальное (то же можно сказать и о фразеологической картине мира (при любом понимании границ фразеологии)) [10 с. 117]. Другое дело, что различить «свое» и «чужое», генетическое и типологическое невероятно трудно; по меткому определению И.М. Снегирева, сходство европейских пословиц и поговорок «основывается или на единстве и общности коренных, свойственных человеку понятий об истине, добре и зле, или на взаимных разновременных сношениях одного народа с другим, на мене мыслей и слов,

<sup>1</sup> Дж. Пацоллай отмечает, что данное выражение есть в 37 европейских языках, кроме того, в японском, китайском языке, санскрите [9, с. 391].

кои у них так укоренились и усвоились, что трудно разграничить сие чересполосное владение человечества и отделить коренное от прививного» [11, с. 159]. Даже в случае обнаружения многочисленных аналогов оборот может иметь национальные корни в силу того, что представляет «привычную» для обыденного сознания ассоциацию, очевидную логику установления подобия, к таким выводам проходит мэтр российской фразеологии В.М. Мокиенко, анализируя известное славянскому и неславянскому миру устойчивое выражение *как с гуся вода* [8, с. 163]. В таком контексте стратегия анализа белорусских фразеологических единиц, избранная автором рецензируемой книги, вполне оправданна, тем не менее пытливый читатель заинтересован в получении знаний о более или менее очерченных границах «интернационального в недрах национального» [12, с. 8], о тождестве некоторых моделей интерпретации мира, принадлежащих носителям разных языковых культур.

Несомненно сильной позицией второго раздела книги О.А. Лещинской является точность, исчерпанность и тонкость семантического анализа фразеологизмов с компонентом *вода*, наименованиями различных «видов» воды (*дождж, лёд, пара, роса, снег, туман*), наименованиями водно-ландшафтных объектов и их частей (*балота, бераг, вёр, возеры, завадзь, крыніца, лужа, лужына, мель, мора, Нёман, пруд, рака, рэчышча* и др.) процессуальными и атрибутивными обозначениями, ассоциируемыми с водой (*падводны; аблівацца, абліваць, выліваць, выплываць, заліваць, залівацца, ліць, заліваць, залівацца, падліць, пераліваць, плысці, уліць, уліты, усплываць, цякець* и др.).

Абсолютно справедливыми следует признать выводы, отражающие результаты исследования объективации концепта «вада» во фразеологических единицах. Автор книги называет данный концепт фразеологическим, имея в виду информацию, «хранящуюся» в содержании фразеологизмов (с. 144). Выделение такого рода концептов находит отражение в ряде современных исследований в русле лингвоконцептологии. В частности, российские когнитологи Е.В. Иванова, О. Б Абакумова используют термин «пословичный концепт», подразумевая под ним «знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц» [10, с. 109], [13, с. 9]. На наш взгляд, подобного рода ментальные структуры следует квалифицировать как исследовательские конструкты, представляющие не отдельные концепты в сознании носителей лингвокультуры, а часть того или иного лингвокультурного концепта, его фразеологическую / паремиологическую зону, реконструируемую, заметим, не без опоры на содержание иных зон концепта. В данном случае мы придерживаемся тех подходов к определению концепта, которые представлены в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина [14, с. 104–115], Г.Г. Слышкина [15].

Описание фразеологизмов с компонентами «зямля» (третий раздел), «паветра» (четвертый раздел) осуществляется по той же схеме, что и в предыдущих разделах монографии. Автор выявляет символический смысл соответствующих языковых кодов, определяет семантику общезыковых и диалектных фразеологизмов с этими компонентами, указывает на межъязыковую корреляцию фразем с аналогичными языковым кодами, обращается к лингвокультурологическим комментариям известных российских фразеологов, касающимся языковых кодов, использованных в аналогичных русских фразеологизмах. Востребованность анализируемых фразеологизмов в речи белорусов подкрепляется иллюстрациями из художественной литературы.

В заключительной части монографии отражены обобщенные выводы, к которым приходит О. А. Лещинская в результате изучения более 600 фразеологических единиц. Выводы действительно носят выкристаллизованный характер. Нельзя не согласиться с автором монографии в том, что «беларуская фразеалагічная карціна свету, як і кожная карціна свету іншай лінгвістычнай супольнасці, адлюстроўвае сваё бачанне рэчаіснасці, сэнсавое канструяванне свету ў адпаведнасці з пэўнай логікай, светаразуменнем і светаўяўленнем» (с. 212). Действительно, в каждой языковой, уже – фразеологической картине мире находит отражение то, что обусловлено своеобразием менталитета народа, в то же время в каждой национальной фразеологической картине мира, как и в структурировании сложных ментальных образований, какими являются лингвокультурные концепты, всегда есть нечто общее, детерминированное единством мира, биосоциальной природой человека, общими чертами в логической и даже паралогической интерпретации мира. Абсолютно справедливым в связи с этим является и другой вывод, в котором

О.А. Лещинская подчеркивает, что во фразеологических единицах белорусского языка находит отражение жизненный опыт и мудрость не только белорусского народа, но и других народов (с. 212). Верными являются и частные выводы, которые касаются объективации отобранных для анализа концептов, а также положение о том, что истоки культурно значимой информации, аккумулированной в белорусских фразеологизмах, весьма и весьма разнообразны.

Монография доктора филологических наук О.А. Лещинской «Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў» адресована широкому кругу читателей. В этом видится одно из несомненных достоинств научного издания, так как главная задача истинного филолога заключается в приобщении соотечественников к знанию, обогащающему духовно. Научная значимость монографии для специалистов, практическая значимость для преподавателей белорусского языка в вузе и школе тоже несомненна. Своим научным трудом О.А. Лещинская убеждает всех тех, кто ратует за сохранение культурного наследия белорусов, в необходимости изучения фразеологии родного языка.

### Литература

1. Воркачев, С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре : монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 299 с.
2. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
3. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
4. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2-х т. / М.И. Михельсон. – М. : Терра, 1994. – Т. 2. – 832 с.
5. Wander, K.F. Deutsches Sprichwörterlexikon [Электронный ресурс] / K.F. Wander. – Leipzig, F.A. Brockhaus. 1867–1880. – Vol. 1–5. – Режим доступа : <http://woerterbuchnetz.de/Wander/?sigle=Wander&mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=WA00001>. – Дата доступа : 03.11.2012.
6. Номис, М. Українські приказки, прислів'я, і таке інше : зб. О.В. Марковича і др. / спорудив М. Номис. – Санкт-Петербург, 1864. – VII, 304, XVII с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006. – 784 с.
8. Мокиенко, В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2006. – 512 с.
9. Paczolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. – Hobart, Tasmania : De Proverbio.com, 2002. – 527 p.
10. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.
11. Снегирев, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И.М. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
12. Мокиенко, В.М. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: различие в едином / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : XV Международный съезд славистов, Минск, 20–27 августа 2013 г. : Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie / H. Walter, V.M. Mokienko (Hrsg). – Greifswald : Ernst-Moritz-Universität Greifswald. Institut für Slavistik, 2013. – С. 1–18.
13. Абакумова, О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / О.Б. Абакумова ; Орл. гос. ун-т. – Орел, 207, – 376 с.
14. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М : АСТ ; Восток–Запад, 2007. – 314 с.
15. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.Г. Слышкин; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/1295143>. – Дата доступа : 16.02.2019.